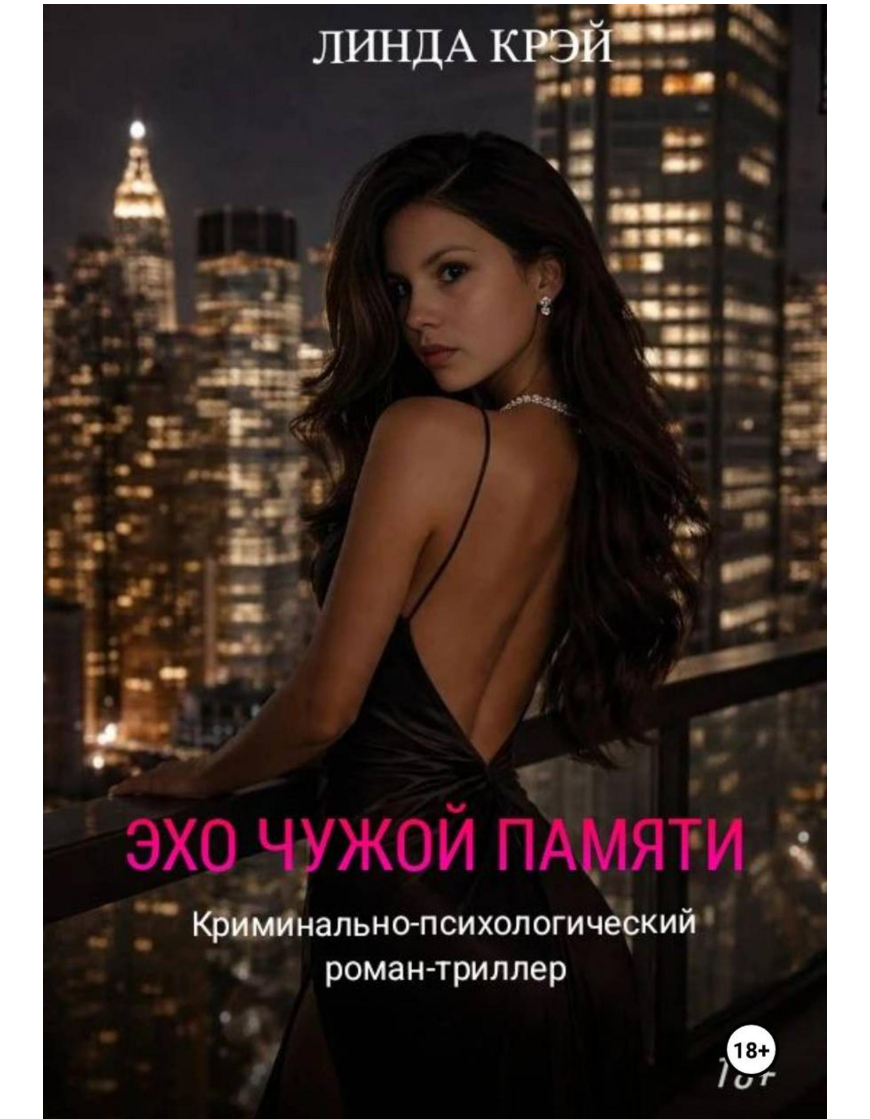

ЛИНДА КРЭЙ

ЭХО ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

Криминально-психологический
роман-триллер

18+

for

Линда Крэй

Эхо чужой памяти

<https://litres.ru/74352877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад реставратор Елена очнулась в клинике после аварии. Её память чиста, а муж Марк — идеальный миллионер — запер её в особняке под предлогом заботы и заставил пить нейролептики. Всё рушится, когда Елена снимает лак со старинной картины и находит под ним криминальный подмалёвок — сцену удушения, которую видит в своих кошмарах. Звонок босса мафии взрывает иллюзию: «Аварии не было. Муж стёр твою личность. Ты — лейтенант МУРа Елена Корсакова. Беги». Она тайно бросает таблетки. Вспышка памяти возвращает ей навыки бойца и воспоминания о запретной страсти с майором Денисом Грозовым. Денис уже бросил значок, взял две обоймы и пошел войной на синдикат, чтобы спасти свою Мару. Начинается кровавая игра на выживание среди огней ночного мегаполиса и карельских снегов.

Линда Крэй

Эхо чужой памяти

ЛИНДА КРЭЙ

ЭХО ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

Психологический триллер (18+)

«Самая страшная тюрьма — это не стены из бетона и не замки на дверях. Самая страшная тюрьма строится из чужих слов, которые ты по ошибке принял за собственную память». — Линда Крэй

«Любовь выживших в катастрофе всегда пахнет порохом и дождем. Потому что им больше нечего терять, кроме тел друг друга». — Линда Крэй

АННОТАЦИЯ

Год назад оперативная группа МУРа зафиксировала смерть лейтенанта Елены Корсаковой в результате подрыва автомобиля. Дело закрыли. На самом деле Лена не погибла. Коррумпированное руководство главка в лице генерал-майора Воронцова продало её за долги международному крими-

нальному синдикату «Вернисаж» .Её новым хозяином стал Марк Савельев — гениальный архитектор, мясник и оператор психологического контроля синдиката. С помощью экспериментального немецкого психотропа он запер Лену в лабиринте ложной памяти. Теперь она — Елена Савельева, послушная жена, живущая в изолированном подмосковном особняке-бункере. Её мир — реставрация старых картин и розовая капсула нейролептика каждое утро на серебряном блюде. Но в синдикате начинается раскол. Когда Марк утаивает долю от элитного подпольного клуба, глава синдиката Артур решает уничтожить Савельева руками его же «куклы». В мастерскую Елены попадает старинная «Спящая Венера». Под слоями лака Лена обнаруживает подмалевок: сцену жестокого удушения девушки красной нитью. Этот кошмар преследует её каждую ночь. Внезапный звонок Артура срывает маски: «Твой муж — монстр, Лена. Твоя жизнь — фальшивка. Год назад он задушил Лизу Тен, а тебе стер разум, потому что ты — лейтенант полиции. Не пей таблетки. За обшивкой стены — твой табельный ствол. Твой бывший начальник майор Громов уже в лесу. Он уволился из органов, взял две обоймы и идет убивать Марка». С отрывом от препаратов к Елене возвращаются навыки рукопашного боя, хладнокровие оперативника и воспоминания о дикой, запретной страсти с Громовым. В заблокированном доме, где опустили стальные ставни и выключился свет, начинается яростная, кровавая зачистка. Близость на грани смер-

ти, тактическая темнота, перестрелки с наемниками, психологическая дуэль в зеркальном лабиринте на Крымском валу и финальное карельское исцеление. Это игра, в которой пленных не берут.

ПРОЛОГ. Сказка о Девочке и Фальшивом Зеркале.

В одном тихом Городе жила-была Девочка. У неё были тёплые руки, внимательные глаза и очень хрупкое сердце. Больше всего на свете Девочка боялась остаться одна в темноте, поэтому она всегда старалась светить другим. Она пекла самый вкусный черничный пирог, никогда ни с кем не спорила и улыбалась, даже когда внутри у неё тихо плакали маленькие серые дожди. Однажды в её дом пришел Волшебник. Он был высоким, статным и говорил очень правильные, красивые слова. Он принес с собой огромный подарок — Зеркало в тяжелой серебряной раме. — Это Зеркало Истины, — ласково сказал Волшебник, поглаживая Девочку по голове. — Оно покажет тебе, какая ты на самом деле. Тебе больше не нужно думать самой. Просто смотри в него и делай то, что оно велит. Девочка посмотрела в Зеркало. Из глубины стекла на неё взглянула идеальная принцесса: её волосы лежали волосок к волоску, платье было белоснежным, а лицо — неподвижным, как у фарфоровой куклы. — Видишь, какая ты послушная и хорошая? — улыбнулся Волшебник. — Настоящая гордость. Главное, никогда не разбивай его.

Без этого Зеркала тебя просто не существует. Ты — пустота. Каждое утро Девочка подходила к Зеркалу. Если она хотела побегать по лужам или закричать от несправедливости, Зеркало тут же темнело и показывало её чудовищем. Чтобы вернуть улыбку Волшебника и одобрение Зеркала, Девочке приходилось сжиматься. Она отрезала от себя кусочки: сначала отдала свое право злиться, потом — право плакать, затем — свои тайные мечты о далеких путешествиях. Волшебник хвалил её и давал ей сладкие мятные капли, от которых в голове становилось тихо и пусто. Девочка худела, её шаги становились неслышными, а тёплые руки превратились в ледяные. Из неё медленно уходила жизнь, но Зеркало продолжало твердить: «Ты идеальна. Ты послушна. Тебя любят». Но однажды ночью Волшебник забыл закрыть окно. В комнату ворвался дикий, свободный Лесной Ветер. Он пах порохом, грозой и мокрой сосновой хвоей. Ветер закружился по комнате, сорвал шторы и сильно ударил по серебряной раме. Зеркало качнулось и с оглушительным звоном рухнуло на пол, разлетевшись на тысячи мелких осколков. Девочка проснулась в ужасе. Из её груди вырвался крик. Она подбежала к осколкам, ожидая, что сейчас сама рассыплется в прах, ведь Волшебник говорил, что без Зеркала она — пустота. Она взглянула в один из осколков на полу. Но вместо фарфоровой куклы из разбитого стекла на неё смотрели её собственные, настоящие глаза. Живые. Дикие. Полные слез и ярости. Вспышка настоящей памяти пронзила её

хрупкое сердце: она вспомнила, что до прихода Волшебника она умела громко смеяться, строить шалаши в лесу и защищать тех, кто слабее. В комнату вбежал испуганный Волшебник со шприцем и мятными каплями в руках. Его лицо больше не было ласковым — оно дышало злобой контроля. — Ты разбила мою работу! — закричал он. — Теперь ты сойдешь с ума! Пей капли! Девочка впервые в жизни не сжалась. Она посмотрела на свои руки — они снова становились теплыми. Она подняла с пола самый большой и осколок серебряной рамы, шагнула навстречу Волшебнику и твердо сказала: — Нет. Зеркало разбилось. И твоя сказка закончилась. Теперь я буду смотреть на мир своими глазами. Волшебник растаял, превратившись в серую пыль, потому что иллюзии живут только до тех пор, пока в них верят. Девочка открыла дверь дома и вышла навстречу Лесному Ветру. У неё больше не было серебряной рамы и идеального лица, но у неё снова была её собственная, дикая и абсолютно свободная жизнь.

ЧАСТЬ 1. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА И СКРЫТЫЕ СЛОИ.

Глава 1. Белый мел, сандал и пинен.

Запах пинена — очищенного растворителя для масляных красок — всегда действовал на Елену как тяжелый транквилизатор. Он въелся в кожу её пальцев, пропитал тяжелый холщовый фартук и, казалось, заменил ей сам кислород в

этой душной цокольной мастерской. Но сегодня этот запах не успокаивал. Он душил. Елена сидела на низком табурете перед мольбертом, на котором крепилась «Спящая Венера» — полотно неизвестного мастера конца XIX века. В руке она сжимала скальпель с тончайшим сменным лезвием №11. Её пальцы едва заметно подрагивали, и это было опасным симптомом. Реставратор с дрожащими руками — это профессиональный труп. Но остановиться она не могла. Каждое её утро последние триста сорок-шестьдесят пять дней начиналось абсолютно одинаково. Белая фарфоровая чашка с чуть остывшим ромашковым чаем. И маленькая, идеально гладкая розовая капсула, лежащая на серебряном винтажном блюде. Марк всегда стоял рядом. Высокий, безупречно сложенный, в неизменной хрустящей белой рубашке, рукава которой были небрежно подвернуты до предплечий, обнажая крепкие руки с ухоженными ногтями. От него пахло дорогим табаком, успехом и сандалом. Этот запах стал для Елены синонимом безопасности. И одновременно — невидимой удавкой. — Пей, родная, — его голос всегда звучал мягко, с той особой бархатной интонацией, которой обладают профессиональные психотерапевты или очень уверенные в себе хищники. Марк бережно проводил теплой ладонью по её коротким волосам, задерживая пальцы на затылке. Чуть заметный нажим — и её голова послушно наклонялась вперед. — Ты же помнишь, что сказал доктор? Нельзя пропускать ни одного дня. Твой мозг еще слишком хрупок после катастро-

фы. Ты ведь не хочешь, чтобы снова вернулся тот кошмар? Те жуткие, ломаные вспышки, от которых ты кричишь по ночам? Елена помнила. Точнее, она помнила то, что Марк называл её воспоминаниями. Белый кафель больничной палаты, жуткий скрежет разрываемого металла, темнота и долгие недели тупой, пульсирующей боли в висках. Она очнулась с абсолютно чистой головой. Без прошлого, без имени, без единого лица в памяти. Марк соткал её новую реальность из своих рассказов, старых фотоальбомов и бесконечной, удушающей заботы. Он назвал её своей женой. Он привел её в этот огромный, изолированный от мира особняк, скрытый за глухим трехметровым забором в глубине подмосковных лесов. Он подарил ей эту мастерскую, чтобы она могла собирать себя по кусочкам через искусство. Она послушно клала капсулу на язык. Глоток теплой воды. На задней стенке горла оставался этот проклятый, горьковатый меловой привкус, который держался часами. Марк удовлетворенно улыбался, целовал её в лоб — поцелуй всегда был долгим, холодным и фиксирующим — и уходил на работу в свое архитектурное бюро, запирая массивную входную дверь на два оборота замка. Изнутри дом не открывался. Это было сделано ради её же безопасности, чтобы в момент приступа она не выбежала в лес. Но сегодня Елена обманула систему. Три дня назад, когда Марк отвернулся к окну, чтобы поправить жалюзи, она не проглотила капсулу, а ловко спрятала её под язык, за нижние зубы. Сердце тогда едва не пробило грудную клетку, а к

горлу подступила тошнота от дикого страха. Если бы он заметил — её бы снова ждал укол, после которого она трое суток лежала овощем, не в силах поднять руку. Но Марк ничего не заподозрил. Она выплюнула таблетку в карман фартука, как только за ним закрылась дверь. И повторяла это три утра подряд. Сейчас, на четвертый день ментальной трезвости, мир вокруг неё начал менять свои очертания. Мягкий, размытый туман, в котором она жила целый год, рассеивался с болезненным, звенящим треском. Цвета стали слишком яркими, звуки — резкими, а в висках поселилась острая, как игла, боль. Но вместе с этой болью пришло странное, дикое предчувствие. Елена поднесла ватный тампон, пропитанный растворителем, к правому нижнему углу «Спящей Венеры». По легенде, которую рассказал Артур — загадочный клиент, приехавший два дня назад лично и заплативший Марку наличными тройной тариф — картину нужно было просто очистить от старого, пожелтевшего лака. Артур смотрел на Елену странно. Напряженно. Его взгляд буквально впивался в её лицо, словно он пытался разглядеть под её кожей что-то, известное только ему одному. Марку этот визит не понравился, но жадность перевесила, и он разрешил жене взять заказ при условии, что она не будет выходить из цоколя.

Елена аккуратно провела тампоном по холсту. Старый лак поддался легко, сходя грязной, желтоватой пеной. Но вместе с лаком начала растворяться и сама краска. Это было

нарушением всех законов живописи: мастер XIX века не мог использовать столь нестойкий пигмент. Под нежными, пастельными тонами кожи Венеры проступало нечто совершенно иное. Другая текстура холста. Другая плотность мазка.

Елена затаила дыхание, её рука со скальпелем замерла в паре миллиметров от картины. Из-под удаленного слоя лака на неё смотрел человеческий глаз.

Он не имел ничего общего с идеализированной, приторной красотой эпохи романтизма. Это был глаз, полный первобытного, животного ужаса. Широко раскрытый зрачок, лопнувшие капилляры, застывшее отражение чего-то страшного.

Забыв про все инструкции по реставрации, Елена яростно смочила новый тампон чистым спиртом и сильным, круговым движением провела по центру холста, буквально сдирая верхнее изображение Венеры. Краска поплыла, обнажая скрытый подмалевок.

Из темноты нижнего слоя на Елену смотрело лицо молодой девушки. Лицо было искажено предсмертной судорогой. Синие, безжизненные губы были приоткрыты в беззвучном крике, кожа имела жутковатый, серо-восковой оттенок. А

вокруг её тонкой шеи была завязана тонкая, отчетливо выписанная красная нить, уходящая узлом куда-то за пределы холста.

Елена отпрянула так резко, что табурет с грохотом покатился по бетонному полу. Из её груди вырвался хриплый, удушливый всхлип. Она прижала ладони к лицу, чувствуя, как реальность вокруг неё начинает крошиться на мелкие, острые осколки.

Этот рисунок... это лицо... эту синеву на губах она не просто видела сейчас. Она знала её. Каждую божью ночь, как только розовая капсула погружала её в тяжелый, липкий сон, она видела этот сюжет. Мужские руки — ухоженные, с аккуратными ногтями, пахнущие сандалом — медленно затягивали тонкую красную нить на чьей-то шее. Жертва хрипела, её ногти царапали запястья палача, оставляя багровые полосы, а Елена наблюдала за этим со стороны, скованная параличом, не в силах даже закричать.

«Это не галлюцинация», — пронеслась в голове обжигающая мысль. — «Марк говорил, что мои сны — это бред воспаленного мозга. Но эта картина... она реальна. И она лежала в машине Артура».

Внезапно гнетущую тишину мастерской разорвал резкий,

вибрирующий звук. На старом кожаном диване в углу комнаты, среди груды тряпок и подрамников, загорелся экран телефона. Маленький, допотопный кнопочный аппарат. Елена точно знала, что у неё нет телефона. Марк забрал её мобильный еще в больнице, аргументируя это тем, что «лишние контакты и радиация мешают восстановлению нейронных связей».

Она медленно, словно ступая по битому стеклу, подошла к дивану. Телефон продолжал настойчиво жужжать. На экране светился неизвестный номер. Дрожащими, онемевшими пальцами Елена нажала на зеленую кнопку и поднесла трубку к уху. Она не успела сказать ни слова.

— Ты сняла верхний слой, Лена? — раздался в динамике низкий, чуть хриловатый голос Артура. Он говорил быстро, почти шепотом, словно оглядывался по сторонам.

— Что... что это такое? — её голос сорвался на писк. — Кто эта женщина на картине? Откуда вы знали, что она там?

— Эту девушку звали Елизавета Тен, — жестко отчеканил мужчина на том конце провода. — Она была предыдущей владелицей этой самой мастерской. И твоей предшественницей в этом доме. Твой идеальный муж, Марк, сказал тебе, что ты потеряла память в автомобильной аварии, верно?

Он солгал тебе, Лена. От первого до последнего слова. Год назад никакой аварии не было. Ты потеряла память, потому что Марк душил тебя этой самой красной нитью в той же мастерской, когда ты наткнулась на труп Лизы. Твой мозг просто заблокировал ужас, чтобы ты не сошла с ума, а Марк воспользовался этим и накачал тебя химией, переписав твою личность. Не пей то, что он тебе даст. Спрячь телефон. И посмотри за обшивку стены прямо за мольбертом. Там твой единственный шанс выжить.

В трубке раздались короткие, обрывистые гудки.

В ту же секунду наверху, на первом этаже особняка, раздался тяжелый, металлический стук закрывающейся входной двери. Марк вернулся на четыре часа раньше обычного. Елена слышала его уверенные, размеренные шаги, которые медленно направлялись к лестнице, ведущей в цокольный этаж. Шаг. Еще шаг.

Времени не оставалось. Елена судорожно сунула кнопочный телефон в глубокий карман фартука, схватила испачканный растворителем тампон и попыталась затереть обнаженное лицо мертвой девушки на холсте, но сделала только хуже — краска размазалась, превратившись в жуткое, кроваво-багровое пятно.

Ключ в замочной скважине мастерской повернулся с сухим, зловещим щелчком. Дверь медленно поползла внутрь.

Глава 2. Анатомия лжи и первый надлом.

Дверь открылась без скрипа. Марк стоял на пороге, заполнив собой весь дверной проем. Его силуэт в полумраке коридора казался монументальным, почти неестественным. Лампы цокольного этажа отбрасывали жесткие тени на его безупречное лицо, подчеркивая идеальную линию челюсти. В правой руке он держал свой кожаный портфель, а в левой — небольшой бумажный пакет из аптеки. В мастерской повисла удушающая, звенящая тишина, сквозь которую Елене казалось, что Марк слышит оглушительный стук её сердца. Кнопочный телефон в кармане фартука казался раскаленным слитком железа, прожигающим ткань. — Ты не включила верхний свет, Лена, — его голос прозвучал мягко, но в этой мягкости вибрировала опасная, ледяная частота. — Доктор предупреждал, что работа в сумерках перенапрягает зрительную кору. А это прямой путь к новому приступу. — Я... я просто увлеклась, Марк. Теряла ощущение времени, — она попыталась отступить, чтобы загородить собой мольберт, но её движение вышло слишком резким, неестественным для той покорной куклы, которой она была весь этот год. Марк остановился. Его серые, сканирующие глаза медленно двинулись по её лицу, подмечая каждую деталь: рас-

ширенные зрачки, испарину на лбу, слишком частое дыхание. Затем его взгляд сместился ниже — на её фартук, испачканный грязными мазками, и, наконец, зафиксировался на холсте «Спящей Венеры». Багровое, размазанное пятно в центре картины выглядело как открытая рана. Лицо Марка не изменилось ни на один мускул. Эта абсолютная эмоциональная пустота напугала Елену сильнее, чем если бы он начал кричать. Психопаты не умеют сопереживать, они умеют лишь имитировать эмоции. И сейчас Марк просто перестал имитировать. — Что это, Лена? — он подошел к мольберту вплотную. — Это не реставрация. Ты уничтожила работу. — Под лаком... под лаком был другой рисунок, Марк, — её голос сорвался на писк. — Там женщина. С синими губами. С красной нитью на шее. Марк, я вижу её в своих снах. Каждую ночь. Почему она здесь, на этой картине? Кто такая Лиза? Марк медленно повернул к ней голову. На его губах появилась едва заметная, жалостливая улыбка — та самая, которой взрослые улыбаются тяжелобольным детям. — О боже, Лена... Опять этот бред. Никакой Лизы нет. Это дешевый подмалевок, мазня какого-то шизофреника, которую твой воспаленный мозг принял за реальность. Твой мозг просто пытается склеить воспоминания из собственных ночных кошмаров. Ты сходишь с ума. Прямо сейчас. Он сделал шаг и обхватил её плечи своими большими ладонями. Пальцы сжали ключицы с силой. Елена вскрикнула от острой боли. — Ты не пила лекарства, — это был не вопрос. Марк медленно до-

стал из пиджака шприц-тюбик с прозрачной жидкостью — экспресс-транквилизатор сильного действия. — Я зашел в электронную систему аптечки перед выездом из офиса. Датчик веса показал, что три капсулы на месте. Ты выплевывала их, Лена. Ты обманула меня. Человека, который вытащил тебя с того света, пока твои коллеги из главка... Он осекся, поняв, что сболтнул лишнее. Мягкость исчезла из его позы за долю секунды, уступив место жесткой, пружинистой готовности хищника к прыжку. Он рванул колпачок со шприца. — Ты сейчас успокоишься, Лена. Мы сделаем укол, ты поспишь, а завтра мы начнем терапию заново. Я не позволю тебе разрушить всё, что мы построили. — Назад! — Елена резко выставила вперед руку, в которой всё еще был зажат реставрационный скальпель. Тонкое стальное лезвие блеснуло в полумраке. Марк сделал еще один шаг вперед, протягивая руку со шприцем к её предплечью. В этот момент в её голове произошел ментальный взрыв. Вспышка боли в висках была такой силы, что Елена на секунду ослепла. Но вместе с этой слепотой в её сознании зазвучал чужой, глубокий мужской голос: «При ближнем контакте с противником, превосходящим в весе, не пытайся резать, Мара. Бей прямо, в мягкие ткани. В горло или под челюсть. Фиксируй кисть весом своего тела». Это был голос Дениса Громова. Её начальника. Мужчины, которого она любила до беспамятства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.